

НАПРЯЖЕНИЕ В СЕТИ НОРМАЛЬНОЕ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОТЕРАПИИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ)

Е.Л. МИХАЙЛОВА

Михайлова Екатерина Львовна — ведущий специалист Института групповой и семейной психотерапии, профессор Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук.

Автор книг «Я у себя одна, или Веретено Василисы», «Пустяки Психологии», соавтор книг «Человек-оркестр. Микроструктура общения», «О том, что в зеркалах», «Играть по-русски», «Тренинг Тренеров» и других книг из серии «Библиотека приключений Тренинга и Консалтинга».

Член редакционного совета «Московского психотерапевтического журнала». Научный редактор издательства «КЛАСС». Специализация — групповая психотерапия, психодрама и социометрия.

Контакты: katsa@bk.ru

Резюме

В статье рассматривается противоречие, определяющее статус современной психотерапии как социокультурной практики особого рода. Внимание читателя-профессионала привлекается к воздействующим на психотерапию факторам, связанным с динамикой культурных контекстов. В частности, в иной, нежели в статье А.И. Сосланда, плоскости обсуждаются противоречия между дефицитом легитимности и тенденцией к официализации психотерапевтических практик.

От статьи или книги, призванной начать дискуссию, ожидаешь остроты постановки проблемы и скорее поднятых и наконец внятно сформулированных вопросов, чем ответов: простые и несомненные истины не предполагают обсуждения. В этом смысле многоплановая и сложная работа А.И. Сосланда выполняет свою миссию «проблематизировать ряд серьезных противоречий в пси-

хотерапии» — деле, которому мы с автором посвятили годы жизни, которое любим и уважаем и в будущем которого лично заинтересованы.

Разумеется, многое в статье А.И. Сосланда представляется мне *дискуссионным и проблематичным*, но ведь так и задумывалось. Хотелось бы сфокусировать внимание как раз не на частных расхождениях в дефинициях или оценках, а на тех аспектах

статуса психотерапии в современном мире, которые в статье не затронуты.

Первое, о чем важно напомнить: психотерапия является не только «клинической и научной дисциплиной, доказавшей свою эффективность», но и *социокультурной практикой* особого рода (Ромек, 2002). И именно в этом качестве она рождается не тогда, когда опубликовано описание метода, пусть даже и на большом количестве «случаев», а тогда, когда становится реальностью систематическая встреча *практикующих* — психотерапевтов и их клиентов, которые в ходе своего драматичного и всегда не до конца предсказуемого взаимодействия придают психотерапии и смысл, и статус. Встреча же эта происходит не в идеальном пространстве идей и конструктов, а на вполне земной территории, на фоне более чем конкретных «пейзажей и интерьеров». Это место не пусто, не нейтрально — оно населено многочисленными образами иных ролей и взаимодействий. Что бы мы ни думали о специфических чертах психотерапии, мы не можем не помнить словарных изысков недавнего времени, когда психологу вменялось именовать ту же самую практику только психокоррекционной, а «сейчас уже очевидно, что базовое психотерапевтическое образование является не медицинским, а психологическим» (Василюк, 2004). За наступлением этой очевидности, конечно же, стоят не только дискуссии профессионалов, но и протекавший в последнее десятилетие социокультурный процесс, в ходе которого многие явления изменили свои границы, появились новые и уж вовсе никому толком не понятные профес-

сии, рухнули или, по меньшей мере, осели казавшиеся незыблемыми авторитеты и социальные институты и, пусть даже на короткое время, стал происходить естественный, не выполняющий ничьих приказов процесс формирования психотерапевтического профессионального сообщества, ориентированного на мировую психотерапию. Что касается «медицинской модели» психотерапии, то хотя она строго поглядывает (и даже грозит пальцем) в сторону «гуманитарной модели», подозревая ее в несерьезности, отсутствии клинического опыта и — вот оно! — неподконтрольности, но статус врача-психотерапевта в мире собственно медицинских ценностей и приоритетов довольно устойчив: чего стоит не однажды всеми слышанное скептическое врачевное: это настоящее лечение, или так, психотерапия?

Хотелось бы согласиться с тезисом, что профессия психотерапевта «внушает зависть и восхищение», но обучение и супервизия молодых профессионалов свидетельствуют о другом: хорошо работают те из них, кто в состоянии годами обходиться без отчетливых ответов на вопрос о своей нужности этому миру с его социальными институтами и смежными профессиями и кому хватает смирения получать подтверждение этой самой нужности от самой работы с клиентами. В нашей социокультурной ситуации, на которую часто сетуют молодые коллеги, у потенциального клиента действительно нет отчетливого образа профессионала, а ролевые ожидания зачастую строятся из странной смеси образов западного кино и литературы и до боли знакомых стереотипов врача и учителя.

Парадокс (еще одно противоречие) практика состоит в том, что он — или, если следовать правде жизни, обычно она — одновременно и *не хочет* походить на эти «картинки с выставки», и втайне страстно желает быть понятным (понятным), узнаваемым, иметь внятную профессиональную идентичность. Однако, достигая желаемого, вписываясь и соответствуя, переставая быть «незнамо кем», психотерапевт обретает покой, но и утрачивает нечто крайне важное. Прежде чем стать классиками, наши великие от самого доктора Фрейда до Милтона Эриксона и Карла Витакера, не говоря уже о Фрице Перлзе и Морено, были (каждый в своем культурном контексте, каждый на фоне декораций своего времени) отнюдь не понятными и благонадежными исполнителями «социального заказа», а уж скорее сомнительными фигурами, десятилетиями удостоивавшимися обвинений в ненаучности (попросту шарлатанстве), весьма нелестных отзывов, а то и диагнозов. И даже благообразнейший Карл Роджерс, никоим образом не провокативный и не склонный к эпатажу, работал под градом иронических замечаний, связывавших его знание агрономии и идею недирективности: мол, что хорошо для овощей, то для психотерапии немислимо, нелепо, да и что это за позиция — знай, сидит себе, кивает.

Наши «культурные герои» были в гораздо большей степени трикстерами, нарушителями границ, даже, если угодно, юродивыми и при этом становились легендой, основателями «школ и подходов», потому что улавливали некое состояние не до конца

сформированного, не обросшего стереотипами вопрошания мира, в котором жили, и культуры. Мне кажется, дело не в том, что психотерапия находится «в сети противоречий» — она, конечно же, в ней находится — дело скорее в том, что это ее нормальное *правильное* место, состояние, и жива она только до тех пор, пока эти противоречия не сняты. Подобным же образом жива только та культура, которая мучительно каждый день и тысячею способов разрешает и не может разрешить противоречия между сохранением и развитием, умирающей формой и желающим жить содержанием, функцией сохранения и передачи и вечным призывом что-нибудь побросать «с корабля современности». Там, где становится благостно и тихо, где торжествует какая-нибудь одна *правильная культура*, как известно, пишут много парадных портретов, — а читают самиздат.

В связи с этим хочется вернуться к не раз высказываемой и А.И. Со-сландом мысли о дефиците легитимности. Мне уже случалось высказываться по данному вопросу (Михайлова, 2001), и с тех пор мало что переменялось. Боюсь, что «творческое использование опыта немецких товарищей» и любая другая ускоренная институционализация стали бы для отечественной психотерапевтической практики самым печальным из всего, что может с нею случиться. Как минимум, это повело бы к расслоению отечественной психотерапии, выделению мертвого «мейнстрима» и живого, но маргинального по сути «андерграунда». И как бы ни хотелось нам определиться, прояснить свой сомнительный статус,

оформиться в понятные, артикулированные для внешнего мира явления, успех этого грандиозного проекта означал бы всего лишь присвоение наших хрестоматийных текстов, практического инструментария, терминологии доминирующим дискурсом — со всеми вытекающими отсюда последствиями. В удивительной, парадоксальной работе Пьера Бурдьё «Практический смысл» он пишет о процессе официализации всякой практики, с неизбежностью отсекающим, предающим забвению — здесь Бурдьё даже говорит о вытеснении — самые основы этой практики, то, ради чего и как она рождена в культуре. Возможно, как раз официализация является главным искушением психотерапии последней четверти XX в. Это отчасти проливает свет на беспокоящий многих вопрос: куда девались «звезды», почему так мало новых идей? На представительных международных конгрессах и конференциях, где мне случалось изредка бывать, в глаза бросается резкое различие между «стариками» и следующим профессиональным поколением: насколько живыми, отнюдь не «обронзовевшими» выглядят первые, настолько чинными и вкусившими всю прелесть достигнутой легитимности — вторые.

Конечно, трудно отказаться от утопических фантазий о том, как поголовно трудоустроены наши ученики и у каждого по отдельному кабинету, а на двери табличка... Но если представить себе тот коридор, в который выходят из этих кабинетов, то образ его вызывает поток свободных ассоциаций, ведущих к пугающе знакомому ощущению «дежа вю». Как сказал кто-то из мудрых, «тот, кто

предпочел безопасность свободе, не получит ни того, ни другого». Психотерапия черпает идеи и способы саморефлексии в профессиональной цеховой культуре, но живет и действует в пространстве, пронизанном влиянием множественных контекстов, иными словами, она не может быть принципиально, *совсем* иной, чем та культура, «почва», которая дает ей возможность быть практикой. Не может, но всегда пытается, всегда ищет и нащупывает те области смутного запроса, на который у культуры пока нет готовых ответов. Когда они появляются, тиражируются и становятся тривиальными, это уже другая история. Например, история о судьбе когда-то потрясавших, ярких психотерапевтических идей, со временем отошедших в лубочное царство массовой психологической культуры («окончилась жизнь, началась распродажа»), или история о неизбежной смене габитуса профессионала: туда, где все ясно, приходят учиться и работать те, кому важно, чтобы все было ясно, а если над ними еще и простерта длань обязательного, не ими выбранного супервизора и ему тоже все ясно... и если все «методики, техники и приемы» описаны в методических рекомендациях, то, пожалуй, по сравнению с этим царством гармонии кабинет психотерапевта в районном ПНД советских времен еще покажется оазисом в пустыне. (Кстати, в 1970–80-е годы именно в таких кабинетах порой практиковали уникальные профессионалы; вот кому было бы о чем поговорить с Эриксоном и Перлзом...) Пожалуй, я согласилась бы с А.И. Сосландом в том, что «зачастую психотерапия мыслит себя как часть некоего крупного проекта

по переустройству общества». Но на сегодняшний день и в наших обстоятельствах — что бы она там себе ни мыслила — скорее общество переустроит психотерапию... И точно так же, как полюбившие какой-нибудь тренинг личностного роста руководители компаний скопом отправляют своих сотрудников принудительно расти, ставшая «принятой в лучших домах» психотерапия приобретает на глазах изумленной публики такие черты, что уже ни у кого язык не повернется назвать ее «освобождающей практикой». (Тому уже есть примеры, пока носящие характер анекдотический; участникам, впрочем, было не до смеха.) А.И. Сосланд в конце своей интереснейшей статьи уподобляет психотерапию героине известной сказки, явившейся «ни по воздуху, ни по земле, ни голой, ни одетой...». В одной из версий этой сказки героиня решила последнее противоречие с помощью рыболовной сети. «Сети противоречий» — не только проблема, но и ресурс, при-

том А.И. Сосландом уже почти названный. Искушение «порешать вопросы» и прекратить все эти двусмысленности и ускользания, конечно же, есть: нашему посттоталитарному сознанию вообще мила простота и счет до двух: наши — не наши, правильные и неправильные. Но, как бы нам порой ни хотелось разрешения тех противоречий, о которых пишет А.И. Сосланд (а само их осознание сообществом с возможностью последующего обсуждения является его бесспорной заслугой), удел живой психотерапии, по моему глубокому убеждению, состоит в ином — жить и действовать, принимая свою «неправильную», никогда до конца не оформленную, ускользающую из мира нормативных актов и стандартизированных методик сущность. И если, к несчастью, слово «психотерапия» станет слишком уж понятным и наступит долгожданный покой и полная ясность, что ж, это будет всего лишь означать смерть слова, но не явления.

Литература

Ромек Е.А. Психотерапия: теоретическое основание и социальное становление. Ростов-н/Д, 2002.

Васильюк Ф.Е. Риск соприсутствия // Школьный психолог. 2004. № 22 (310). 8–15 июня.

Бурдые П. Практический смысл. М.: Алетейя; Институт экспериментальной социологии, 1992.

Михайлова Е.Л. Думать о законе пора, принимать рано // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1. С. 176–179.